

УДК 332.1+001

Регион: экономика и социология, 2014, № 4 (84), с. 3–31

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ: ОПЫТ ПРОГРАММНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

П.А. Минакир

Институт экономических исследований ДВО РАН

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы
фундаментальных исследований Президиума РАН № 31*

Аннотация

Рассматриваются теоретические предпосылки прикладных исследований по проблемам пространственного развития российского общества, выполнявшихся в рамках программ фундаментальных исследований Президиума РАН в 2009–2014 гг., и полученные в этих исследованиях результаты. Исследуются общие основания междисциплинарного синтеза и обобщаются результаты по основным разделам комплексных исследований российских экономического, социального, инфраструктурного, институционального пространств.

Ключевые слова: междисциплинарный синтез, пространство, программа фундаментальных исследований, пространственное разнообразие, регулирование

Abstract

The paper considers theoretical prerequisites and results of applied research on problems concerning spatial development of Russian society within the

framework of fundamental research programs launched by the Presidium of the RAS in 2009–2014. It examines general grounds for interdisciplinary synthesis and summarizes results of main full-scale studies of the Russian economic, social, infrastructural and institutional spaces.

Keywords: interdisciplinary synthesis, space, fundamental research program, spatial diversity, regulation

В истории науки пространственные аспекты жизнедеятельности общества далеко не всегда находились в исследовательском фокусе. Были периоды, когда они выходили на первый план (эпоха Великих географических открытий, большая часть XIX в.), но часто соответствующие исследования оказывались вне мейнстрима. Возможно, как раз вездесущность пространства в жизни общества препятствовала явному признанию его в качестве источника различий в социальных структурах и процессах. Отчасти это обусловлено внутренними механизмами развития совокупности научных дисциплин, которые имеют непосредственное отношение к исследованию пространственных проявлений жизнедеятельности общества, отчасти – господствующими до настоящего времени в общественном сознании представлениями о том, что прогресс в средствах транспорта и связи «уничтожает пространство», а процессы глобализации нивелируют территориальные различия в социальных структурах.

То, что пространство как объект и предмет исследований находится в тени, имеет, конечно, определенные основания. Во-первых, в общеинтеллектуальном плане начиная с Э. Дюркгейма прежде в социологии [1], а затем и в ряде других общественных наук территорию, т.е. объективизированное пространство, стали воспринимать как свойство «традиционного» общества. Предполагалось, что в современном мире территориальный критерий уступил место критерию функциональному и в разделении труда, и в организации общества. Основным трендом общественного и экономического развития являлись интеграция и формирование унифицированных экономических, социальных, институциональных объектов и процедур. А никак не желавшее исчезать территориальное экономическое, социальное и, наконец,

культурологическое разнообразие воспринималось как досадный отголосок прошлого.

Во-вторых, с технологической точки зрения отсутствие социального заказа на исследование влияния пространства на жизнь общества в целом и отдельных его подсистем не стимулировало разработку адекватного инструментария для изучения пространства в различных формах. Но когда такой заказ появился, именно технологический прорыв в области методик пространственных исследований (ГИС, аэро- и космические методы, пространственная эконометрика и т.п.) стал очередной проблемой, создав иллюзию легкости решения пространственных проблем на инструментальном уровне.

В-третьих, с методологической точки зрения введение представления о пространстве в анализ социальных процессов и структур в целом или таких подсистем общества, как экономика, неизбежно сопряжено с ростом неопределенности и, что еще более досадно, с увеличением уровня сложности исследуемой системы в связи с необходимостью явного учета неоднородности самого пространства, т.е. степени разнообразия исследуемых систем.

Только в 1990-е годы в мировой науке произошли переосмысление и развитие основных постулатов пространственных экономических и экономико-географических исследований, а также интенсивное формирование региональных исследовательских платформ в смежных дисциплинах. Пространство опять стало одним из наиболее популярных объектов исследования не только в экономике, но и в целом ряде других отраслей знания. Постоянно растет число публикаций, в которых в той или иной мере затрагиваются проблемы пространственной организации экономики и общества, все чаще раздаются призывы к формированию пространственной науки, основанной на междисциплинарных исследованиях экономики, социальной сферы, экологии, системы институтов и т.д. Это напоминает возрождение движения за региональную науку, имевшего место в середине прошлого века. Тогда синтез не удался. Но это не означает, что сама по себе проблема снята с повестки дня.

Потребность в междисциплинарном синтезе, когда речь заходит о целом ряде проблем, имеющих явно выраженный пространствен-

ный характер, осознается все более отчетливо. Отчасти это обусловлено тем, что в конечном счете все общественные науки в действительности изучают различные аспекты одной-единственной социальной системы, существующей в пространственно-временном континууме [2]. Именно это предполагает многоаспектность исследования пространственных проявлений жизнедеятельности общества, что, вообще говоря, в равной степени справедливо в отношении пространственного развития как общества в целом, так и его отдельных функционально или территориально обособленных частей. Более того, поскольку социальная система является подсистемой более глобальной системы – всей экосистемы Земли и зависит от событий, происходящих в рамках других подсистем этой глобальной системы, постольку ее изучение предполагает пространственный анализ взаимодействий не только различных сторон жизнедеятельности общества, но также общества и окружающей среды.

В России как раз в 1990-е годы наблюдался откат от пространственного аспекта научных исследований, прежде всего в области экономики. Увлечение неолиберальной бихевиористикой имело следствием восприятие региональных исследований, в частности исследований региональной политики, чуть ли не как покушения на свободу экономического выбора. Но ситуация заметно изменилась в начале 2000-х годов. И за последние 10–12 лет интенсивность и масштабы региональных разработок (в основном прикладного характера) в России значительно увеличились, так же как и усилилось стремление к междисциплинарности пространственного эксперимента.

СИСТЕМНЫЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Резкая активизация пространственных исследований не только за рубежом, но и в России была, конечно, спровоцирована политическим заказом – тем, что государственная региональная политика превратилась не просто в неотъемлемую часть экономической политики вообще, но в приоритетную часть этой общей политики. И связано это было с усилением воздействия пространственной динамики на результаты традиционных макро- и микроэкономических решений, на

параметры социальной и политической жизни. В России за последние 20 лет дважды изменилось отношение как исследователей, так и управленцев к пространственному развитию общества и экономики, а также к проблемам пространственной экономической политики.

В 1990-х годах любая активная региональная экономическая политика трактовалась как институциональная дискриминация рыночных агентов. Этот довод воспринимался тем охотнее, чем хуже была финансово-ресурсная ситуация, чем жестче были бюджетные ограничения. Ясно, что отрицание региональности экономической политики теоретически равнозначно отрицанию неоднородности экономического и социального пространств вообще. Игнорирование неоднородности пространства спровоцировало усиление прежде всего социальной неоднородности в результате «разбегания» локальных пространственных систем.

Конечно, экономическая политика в пространственном аспекте с теоретической точки зрения направлена не на дифференциацию вообще, которая объективно «вшита» в пространственную организацию экономической деятельности, а следовательно, инвариантна по отношению к экономической политике. Предметом региональной экономической политики является «сверхнормативная» неоднородность, которая после достижения социальным и экономическим неравенством определенного критического порога действительно превращается в угрозу как стабильности политического строя, так и целостности экономического пространства. Именно такой «выброс неоднородности», т.е. сверхнормативная дифференциация условий социального развития, спровоцированная переключением критериев пространственного распределения с минимизации пространственных различий на максимизацию пространственной ренты от факторов производства, был характерен для России в 1990-е годы.

С точки зрения экономической теории это было ожидаемо и неизбежно, но для идеологии социального равенства и для практической политики стало едва ли не шоком. Те самые пространственные диспропорции, которые в 1990-х годах рассматривались как естественный и даже желательный результат перехода к рыночным механизмам распределения экономических ресурсов, к началу 2000-х годов

стали восприниматься экспертным сообществом и лицами, принимающими решения, как угроза единству страны в политическом, социальном, экономическом аспектах. Все чаще и исполнительные, и законодательные ветви власти стали выражать озабоченность сохраняющимся дисбалансом в развитии регионов.

Вторым обстоятельством, обусловившим нарастание накала «пространственной» риторики, стали провалы в области модернизации экономики. Очевидная неспособность неоллиберальной макроэкономической парадигмы не только обеспечить практическую реализацию объявленного курса на модернизацию, который со временем стал преподноситься как новая национальная идея, но и объяснить причины неудач породила если не иллюзии, то явно завышенные ожидания в отношении пространственной парадигмы роста. С середины 2000-х годов отчетливо проявилась тенденция переноса акцентов в области политики экономической модернизации на региональный уровень. С финансовой точки зрения эти ожидания поддерживались иллюзией финансового и макроэкономического благополучия, которая была несколько поколеблена событиями 2008–2010 гг., но полностью не исчезла.

Таким образом, в повестке дня очевидным образом появилась задача измерения пространственных откликов экономической динамики на политические и социальные процессы, с одной стороны, и реакций макроэкономической и структурной динамики на социальные, институциональные, технологические вариации в пространстве – с другой.

Спрос порождает предложение, и за сравнительно короткое время произошло серьезное приращение массива знаний относительно прикладных аспектов функционирования и развития пространственных систем разного уровня на фоне более или менее отчетливой специализации экспертно-аналитической работы. Как вполне самостоятельные и продуктивные направления оформились исследования по собственно региональной экономической политике, региональной демографии, пространственно ориентированной экономической социологии, институциональному и финансово-экономическому федерализму, которые вкпе с традиционно сильными фрагментами региональных ис-

следований: экономической географией, экономикой локальных рынков, изучением межрегиональных экономических взаимодействий, региональной макро- и микроэкономикой – обеспечили накопление огромного по объему материала относительно развития отдельных регионов и их взаимодействия.

В накопленной массе прикладных сведений и разработок явно различаются три массива: один (меньший по объему) относится к экономическим регионам, второй – к регионам административным и третий – к пространственно-административным распределениям индикаторов. Общим для всех трех групп является наличие широкого спектра индикаторов, по которым осуществляется мониторинг: макроэкономических, социальных, демографических, финансовых, гуманитарных, институциональных, экологических, технико-производственных. Ценность имеют все три массива, хотя бы уже потому, что экономика, являясь общим основанием для решения проблем функционирования и развития человеческого общества и универсальным инструментом их решения, не может претендовать на исключительность в объяснении закономерностей развития как пространства в целом, так и его элементов.

Как экономические, так и административные регионы представляют собой некие пространственные отображения сложной общественной системы, т.е. описываются не только через поведение и взаимодействия экономических агентов, но и через многообразные, постоянно изменяющиеся условия функционирования социальных групп, политических, экономических и общественных институтов, посредством волатильных на длинных периодах стандартов технического, экологического и социального характера и т.д. Это определяет пограничный характер практически всех исследований и разработок, касающихся функционирования региональных элементов общественно-экономической системы.

Следовательно, изучение процессов, происходящих в пространстве, в принципе невозможно без поддержки со стороны целого семейства научных дисциплин. Это создает внутренне противоречивую ситуацию, которая не становится более легкой от того, что возникает совершенно объективно. Речь идет об угрозе потери эффекта

специализации в результате размывания границ проблемной области [3]. Тем не менее действительно содержательными региональными исследованиями могут быть только исследования междисциплинарные. В данном случае вполне оправдывается тезис о том, что современный кризис экономической теории в значительной степени связан с попытками утверждения «экономического империализма», который не имеет шансов на реализацию и ведет в теоретический и практический тупики [4].

Точно так же как в целом для экономической науки старое определение ее предмета (экономика – наука о том, что, как и для кого производить) перестало соответствовать реальности, поскольку слишком тесными и нетривиальными стали ее связи с охраной окружающей среды, внешней и внутренней безопасностью, характером политических институтов, развитием правовой системы и гражданского общества, а набор методов исследований, сердцевина которого – эконометрика и теория игр, все очевиднее не обеспечивает адекватного их непрерывному усложнению прироста содержательного знания без интродукции методов социологии, политологии, психологии, для пространственной экономики единственно содержательным является **системный пространственный анализ**, ориентированный на достижение общего социального равновесия за счет максимизации экономических системных эффектов при заданных экономических, социальных, экологических, технологических ограничениях и в рамках существующих и/или проектируемых институтов. Правда, в случае пространственных исследований ситуация с общей методологической базой осложняется тем, что имеющиеся теоретические концепции и соответствующий им инструментарий не позволяют надеяться на создание обобщенной канонической модели. И дело не в том, что экономическая теория вообще «игнорирует» пространство, как это часто утверждалось до недавнего времени. Такие утверждения на самом деле не очень соответствуют действительности. Экономическая теория с первых классических работ фактически развивала пространственное направление. Структура направлений построения пространственной экономической теории соответствовала структурной характеристике самого экономического пространства, которое я предпочитаю иллюст-

рировать образом «матрешки», состоящей из взаимодействующих экономических пространств: глобального, национальных (субглобальных) и локальных (субнациональных). Каждому из этих видов пространства соответствует некоторое количество теоретических моделей или гипотез, объясняющих и описывающих их функционирование.

Действительная проблема заключается в том, что создание единой канонической теории пространственного развития, даже экономического, не говоря уже об общем социальном, скорее всего невозможно. Это связано прежде всего с тем, что существующие теории описывают некие абстрактные пространства (экономические, социальные, информационные, энергетические, ресурсные, культурные и проч.), тогда как реальная экономическая и социальная жизнь протекает в рамках иногда нескольких пространств, а иногда и совсем иных – административных.

Имея это в виду, следует вести речь, конечно, скорее не о суперсинтезе теоретических конструкций и создании некоей метатеории пространственного развития, а о согласовании теоретических моделей для пространств разного уровня. При этом согласование должно быть направлено на получение двух основных результатов: во-первых, на исследование, измерение и максимизацию экономических системных эффектов в рамках экономических пространств и, во-вторых, на достижение общего социального равновесия в рамках административных пространств. Это важный пункт, так как в реальной политической и управленческой практике наблюдается весьма упорное стремление найти «философский камень» в теории, позволяющей сконструировать идеальную пространственную политику, в рамках которой были бы одновременно элиминированы «выбросы» неоднородности, обеспечена вожделенная модернизация экономики, гарантированы высокие темпы роста. С этим упорством связаны регулярные попытки заполнить кажущийся «теоретический вакуум» готовыми теоретическими рецептами западного образца. Очевидно, именно этим объясняется частая смена концепций пространственной организации, лежащих в основе российской региональной политики в последнее время. На смену политике выравнивания пришли концепции «регионов – локомотивов развития», «полюсов роста», зон опережающего

развития и, наконец, кластеров. И каждый раз не только чиновники, но и многие эксперты, исследователи с искренним восторгом провозглашали очередную «новацию» панацеей, а адептов этой концепции – новыми мессиями. Очевидно, новая экономическая география также стала бы теоретическим маяком для практической политики и управления, если бы не слишком большие технические сложности и тривиальные прикладные следствия.

Конечно, использование зарубежных достижений в теоретико-методологической области полезно, так как помогает экономить время и силы, а кроме того, гарантирует «нахождение в эпсилон-окрестности» теоретического мейнстрима. Да и сами зарубежные теории вполне адекватны задачам описания определенного типа пространств при совершенно определенных, часто весьма специфических, условиях и предположениях. Но при этом есть два обязательных условия: во-первых, следует обеспечить критичное восприятие конкретных исторического, географического и экономического контекстов, памятуя о том, что любые кросскультурные заимствования предполагают оценку адаптационных возможностей принимающей стороны, а во-вторых, следует провести критическую селекцию отечественного опыта.

Сегодня большинство экспертов и представителей политического истеблишмента категорически отрицают возможность использования концепций, схем и механизмов пространственной организации общественного устройства и экономического регулирования, заимствованных из эпохи централизованно планируемой экономики. В качестве причины указывается то, что «Россия имеет предельно устаревшую систему расселения и размещения производительных сил. Значительная часть ее была создана искусственно под проект советской индустриализации и до сих пор обслуживает страну, которой уже нет» [5, с. 65]. Действительно, страны прежней нет, но вот пространство осталось прежним, распределение ресурсов и условия приложения капитала и труда тоже прежние, не говоря уже о структуре экономики. Конечно, появились и постоянно появляются новые элементы пространственной структуры, новые механизмы пространственного регулирования, новые институты пространственного развития. Означает это лишь то, что Россия и в пространственном аспекте до сих пор нахо-

дится и еще долго будет находиться в переходном периоде, когда существуют новые и старые элементы и институты. Наличие этого переходного периода, так же как и отсутствие теоретической основы и инструментальных средств для гарантированного воздействия на поведение пространственно локализованных экономических агентов в направлении, желательном для максимизации экономических эффектов при условии социального равновесия и соблюдения экологических ограничений, диктует необходимость восстановления аналитической основы регулирования и учета комплексного характера реально функционирующих региональных экономических и социальных систем. Практическая потребность в регулировании воздействий территориального развития на экономические и социальные процессы в стране, а также на формирование приоритетов в размещении производства и соответствующем распределении ренты, доходов и основных факторов и ресурсов воспроизводства оказалась важнее чистоты «рыночной идеи» и неприязни к «советскому плановому и академическому наследию» и заставила обратиться к апробированным инструментам пространственной экономической политики.

В частности, реально заимствовано так называемое комплексное планирование территориального социально-экономического развития. Оно фактически восстановлено, но в форме стратегий регионального развития. Очевидно, термин «стратегия» должен был придать респектабельность довольно унылому перечислению обязательных разделов, заданных Министерством экономического развития РФ. За последние 10–12 лет изготовлено и сегодня непрерывно продолжает изготавливаться огромное количество самых различных региональных и муниципальных стратегий. Задачей этого движения за «стратегизацию» всей страны являлись и являются «втаскивание» пространства в орбиту экономического администрирования, подчинение развития локальных экономических и социальных систем некоему общему плану или общей стратегии. Как правило, все эти стратегии для различных регионов, создаваемые в соответствии с едиными правилами, содержат полный набор элементов или фрагментов экономического, социального, институционального содержания, соответствующий комплексному характеру самих региональных формирований.

Это может служить формальным основанием для признания подобных стратегий междисциплинарным продуктом. И некоторые из них, разрабатываемые профессиональными командами, действительно приближаются к такому статусу. Но большинство являются всего лишь суммой обязательных разделов, содержание которых к тому же при ближайшем рассмотрении инвариантно по отношению к собственно региону. Вряд ли могло бы быть иначе, если учесть, что изготовление стратегий чуть ли не с самого начала превратилось в довольно доходный бизнес, со всеми присущими российскому бизнесу проблемами: нехваткой профессиональных исполнителей, сращиванием с финансирующими госструктурами, недобросовестной конкуренцией, коррупцией и прочими «прелестями».

Но главная проблема не в этом, а в том, что к стратегиям, т.е. к выбору оптимального способа решения конкретной задачи, в данном случае задачи экономического и социального развития конкретного региона при определенных параметрах рисков и ограничений, вышеупомянутые документы отношения не имеют никакого. Даже если предположить, что все эти документы подготовлены действительно как стратегии для конкретных регионов, то необходимо было бы следующим шагом сформировать единую стратегию для национальной общественной системы как результат кооперационной игры. Однако в действительности региональные стратегии рассматриваются как изолированные документы и в предположении, что единственной или, во всяком случае, главной технологией согласования является вертикальное согласование каждой данной региональной стратегии с параметрами общенациональной стратегии. То есть благополучно воспроизведена технология централизованных согласований. Это означает, что регионы фактически являются по-прежнему всего лишь элементами единого капиталистического комплекса и стратегополучателями. А следовательно, можно и не беспокоиться особо о междисциплинарных исследованиях, ибо внутри- и межрегиональные взаимодействия, точно так же как и согласование параметров различных сторон и аспектов функционирования региональных систем, в действительности задаются из систем более высокого бюрократического уровня. Тем не менее междисциплинарные исследования пространственных систем,

вопреки, а может, и благодаря бесхитростности государственных потребностей, если и не развиваются, то настойчиво отстаивают свое право на жизнь. Конечно, в наихудшем положении находятся по вышеупомянутым причинам исследования в области пространственного метасинтеза. Наиболее продуктивно благодаря сохранению основных школ, которые, правда, в ряде случаев значительно обескровлены, развиваются стыки на отдельных междисциплинарных цепочках.

Прогресс в области междисциплинарных исследований по отдельным цепочкам (экономика – география, экономика – социология, экономика – демография, социология – демография, экономика – политология, социология – политология и т.д.) позволяет проводить эксперименты и в области пространственного метасинтеза.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СИНТЕЗ В ПРОГРАММАХ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ

Одним из наиболее масштабных исследовательских проектов в России в области пространственного метасинтеза является начатая в 2009 г. программа фундаментальных научных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития России: междисциплинарный синтез», которая была продолжена с 2012 г. под названием «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал». С самого начала залогом ожидавшегося успеха этой программы было наличие консенсуса относительно общей исследовательской платформы и персонального лидерства. И то, и другое являются важнейшими условиями практического успеха междисциплинарных исследовательских проектов.

Концепция исследовательской программы предполагала осуществление синтеза как результатов, так и самих процессов исследований в области проблем экономики крупных экономических зон, распределения в пространстве энергетических и транспортных комплексов и сетей, социального поведения, распределения внешнеэкономических потенциалов и взаимодействий, оценки равновесия в многооре-

гиональной экономической среде, проблем комплексного использования природных ресурсов и природопользования в пространственном аспекте. Ключевым элементом при этом являлась методологическая оболочка, которая должна была обеспечить межблочный или межэлементный синтез исследований и их результатов.

Конечно, между двумя версиями программы (2009–2011 гг. и 2012–2014 гг.) имеются различия, и не только формально-организационные. Если общей дисциплинарной платформой программы 2009–2011 гг. являлась экономика, соответственно, в исследовательском фокусе находились проблемы поведения экономических агентов в пространстве и объективные критерии функционирования пространственных объектов и их взаимодействий, то в программе 2012–2014 гг. значительно усилилась роль географической составляющей в качестве дисциплинарной основы всей программы. Соответственно, в исследовательском фокусе в значительно большем объеме оказались вопросы описания самих пространственных объектов.

В целом можно сказать, что полностью достичь начальных целей всего проекта пространственного междисциплинарного синтеза, т.е. сконструировать своеобразный «интерфейс», позволяющий синтезировать результаты исследований регионального аспекта общественного развития в рамках различных дисциплин, а также выработать унифицированную методику междисциплинарного метасинтеза в пространственных исследованиях, пока не удалось. И возможно, главной причиной здесь являются два обстоятельства.

Первое заключается в том, что в самом планировании программного эксперимента было допущено смешение разных принципов: междисциплинарности и комплексности. С одной стороны, была предпринята попытка совместного (по крайней мере, в рамках единого проекта) исследования взаимосвязанными и взаимообусловленными дисциплинами различных сторон функционирования единого объекта – региона, а также оценки контуров обратных связей, возникающих в процессе их реального и виртуального взаимодействия (экономика, социология, география, межрегиональные и внешнеэкономические взаимодействия, ресурсные и экологические ограничения, демографические тренды). С другой стороны, в проекте рассматривались от-

дельные сектора собственно экономики (энергетика, транспорт, ресурсный сектор), которые, безусловно, критически важны с точки зрения функционирования российской экономики вообще и ее пространственной организации в частности, но с общесистемной точки зрения должны были быть интегрированы в проект либо как элемент общей системы ограничений и/или ресурсов пространственного развития, либо как элемент целевой функции такого развития в смысле определенной временной последовательности решения задач пространственной организации.

Кроме этого, одновременно рассматривается распределение экономических и социальных индикаторов в пространстве, под которым подразумевается множество административных регионов разного ранга, и исследуется системное функционирование регионов разного ранга как комплексов взаимосвязанных секторов, ресурсов и функций. По сути, это приводит к методологической дихотомии, т.е. к попытке решить двойственную задачу: пространственного дезагрегирования экономической информации и описания функционирования региона как хозяйственной системы. Попытки одновременного рассмотрения предметно разнородных объектов исследований должны были привести и привели к тому, что в действительности эти объекты рассматривались и рассматриваются изолированно, хотя и в рамках общего проекта, что влечет за собой если не практическую невозможность интегрирования результатов, то во всяком случае очень большие затруднения в этом деле.

Второе обстоятельство, ставшее решающим, заключается в том, что не удалось и не удастся до настоящего времени предложить в рамках проекта непротиворечивую и достаточно полную с точки зрения интегрирования результатов поэлементных исследований индивидуального и коллективного поведения методологическую платформу, хотя заявлялось, что именно методология составляет важнейший раздел проекта, который обеспечивает разработку общей теоретической и инструментальной оболочки, объясняющей и увязывающей поведенческие реакции экономических и социальных агентов, гарантирующей формирование глобального и локальных равновесий, позволяющей измерить реакции экономической системы на изменение состоя-

ния социальных, технологических, институциональных, эколого-географических параметров, а также определить отклик последних на вариацию динамических и структурных параметров собственно экономики. Определенные элементы методологической гипотезы удалось сформулировать, но целостной методологической платформы, которая включала бы также инструментарий пространственных исследований и оценок, не создано.

С организационной точки зрения в рамках проекта собраны многие, но далеко не все разработанные к настоящему времени фрагменты региональных исследований, обладающие теми или иными признаками междисциплинарности. Это связано в значительной степени с тем, что по условиям финансирования можно было привлечь для участия в программе лишь те дисциплины, которые на момент ее утверждения были представлены в организациях Российской академии наук.

Наличие финансирования при этом являлось и является как положительным, так и отрицательным фоном для проведения исследований в рамках междисциплинарного проекта. Само по себе наличие финансирования позитивно сказывается на мотивации исследователей и на исследовательской дисциплине. Но в то же время специальное финансирование становится ловушкой, в которую попадают желающие «приобщиться» к этому финансированию без достаточных для этого оснований. Одновременно наличие целевого проектного финансирования отсекает возможных исполнителей, обладающих необходимой компетенцией и опытом исследований в данных направлениях, но формально не имеющих доступа к этому финансированию. Такая практика превращает потенциально междисциплинарные исследования в ведомственно-полидисциплинарные проекты. Это априори снижает системный потенциал исследований или, во всяком случае, блокирует значительную часть синергетического эффекта, на который можно было бы рассчитывать.

Однако даже если бы не было такого существенного организационно-финансового ограничения, проблемы методологического характера скорее всего все равно бы заблокировали большую часть системных эффектов.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ СИНТЕЗ В ПРОГРАММАХ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В этом разделе представлено краткое резюме выполненной оценки связанных единым методологическим подходом результатов, полученных в ходе исследований по отдельным разделам вышеназванных программ фундаментальных исследований, направленных на изучение особенностей российского пространства в контексте общемирового тренда пространственных разработок.

Роль пространства в экономическом развитии. Одним из основных вопросов, стоявших перед исследователями, был вопрос о том, действительно ли в российском случае пространство является самостоятельным фактором общественного, и в частности экономического, развития или это в большей степени некий штамп, привнесенный из абстрактных теоретических конструкций пространственной организации. Из этого вытекает и следующий вопрос: является ли пространство позитивным или негативным фактором развития? Ответ на основной вопрос в программе носит, собственно говоря, методологический характер, т.е. выступает начальной гипотезой построения самой исследовательской программы: ***пространство имеет значение*** для общественного развития. С одной стороны, пространственный подход к системным исследованиям общественных, в частности экономических, отношений позволяет отразить всю сложность реальных общественных систем, локализованных в пределах определенных территорий, но при этом функционирующих как синхронизированное множество экономических агентов, социальных отношений, институциональных форм. С другой стороны, исследование пространства, его содержательных форм и взаимодействий дает возможность без существенной потери общности анализировать пространственные кванты или элементы общественной системы – регионы. Последнее особенно важно для стран с обширными географическими пространствами и высоким уровнем пространственного разнообразия, создающего разветвленную систему региональных специализаций и, следовательно, межрегиональных взаимодействий.

Вопрос о том, является ли «большое пространство» обузой или, напротив, само создает дополнительные преимущества с точки зрения экономического развития и конкурентоспособности, является ли пространство ресурсом или обременением, способствует ли оно общественному прогрессу или тормозит его, в последнее время дискутируется повсеместно и весьма горячо. Но дело, конечно, не только в размерах пространства и даже не только в степени его экстремальности. Размеры и однородность пространства – важные факторы, но их влияние противоречиво. Очень большое значение имеют философия и история освоения пространства. В случае России это наглядно проявляется в форме так называемого «ресурсного проклятия», или «проклятия Сибири» [6, 7]. Огромные сырьевые богатства восточной части страны, плюс желание усилить стратегические позиции СССР и дать ответ на реальные или мнимые угрозы безопасности стали причиной того, что был сделан акцент на дорогостоящее комплексное развитие территорий, неблагоприятных для жизни и экономической деятельности. Это привело, естественно, к сдвигу населения и основных фондов «в регионы с высокими затратами и низкой производительностью, что понизило эффективность пространственного распределения» [8, с. 22]. Неизбежное бремя высоких затрат на освоение больших пространств, заключающих в себе огромные природные богатства, эксплуатация и экспорт которых избраны стратегической линией экономического развития страны, как раз и стало основанием для весьма популярного с некоторых пор тезиса о наличии «сибирского проклятия», затрудняющего экономическое развитие России. Это даже заставляет говорить о том, что «пока ей (России. – П.М.) принадлежит Сибирь, успешная модернизация России невозможна в принципе» (цит. по: [9]). С эмоциональной точки зрения такое утверждение похоже на правду, но при этом как-то ускользает из поля зрения вполне заслуживающий внимания и оценки исторический факт, заключающийся в том, что вплоть до начала 1970-х годов наличие Сибири вообще и ее природных богатств в частности, т.е. размеры и характеристики пространства, вовсе не вели к «сибирской болезни». Это заставляет предложить иную конструкцию рассуждений относительно обременительности российского пространства: пространство, даже в случае

России, может стать серьезным бременем, а может служить и значительным ресурсом.

В рамках рассматриваемого междисциплинарного проекта пока не получено количественных характеристик взаимосвязи размеров пространства, эксплуатируемого в интересах той или иной национальной экономики, и ее эффективности. Но некоторые сопоставления позволяют предполагать, что не только в российском случае пространство следует трактовать двояко: и как возможное бременение, и как вероятный ресурс. Пространство может рассматриваться как бременение, так как его размеры прямо пропорциональны величине капитальных затрат на его «сжатие» и инфраструктурное обустройство, степени дифференциации условий жизни и экономической деятельности, величине удельных транспортных, производственных и социальных издержек. В качестве ресурса пространство является источником ресурсов земли и промышленного сырья (чем больше пространство, тем выше природно-ресурсное разнообразие, а следовательно, тем больше масштаб возможного товарного изъятия) и природно-ресурсной ренты, источником увеличения уровня разнообразия в экономике и социальных системах, основой для роста населения и для экологически безопасных вариантов размещения производства, основой увеличения емкости рынка (при прочих равных условиях).

При сравнении больших и малых, бедных и богатых стран (см. таблицу) можно заметить, что малые страны, интегрированные в крупные региональные экономические блоки, оказываются с точки зрения «подушевого богатства» в наилучшем положении, так как, с одной стороны, имеют возможность эксплуатировать огромные экономические пространства в рамках этих блоков, а с другой стороны, фактически перекадывают на «большие» и «внеблоковые» страны затраты по содержанию пространства. И в целом страны, в максимальной степени интегрированные в крупнейшие экономические блоки, имеют возможность при минимальных пространственных издержках получать максимальную прибыль от эксплуатации интегрированного пространства. Экономики, входящие в состав ведущих экономических группировок (НАФТА, ЕС, СВА) эксплуатируют 48–50% глобально-го экономического пространства как прямо, так и косвенно (через

Размеры пространства и душевой доход, тыс. долл. США

Богатые страны		Бедные страны	
<i>Большие (3 млн кв. км)</i>			
Канада	50,97	Россия	12,60
США	52,34	Китай	5,72
Австралия	59,36	Бразилия	11,63
		Индия	1,58
<i>Малые (100–400 тыс. кв. км)</i>			
Норвегия	98,86	Куба	5,89
Япония	47,88	Болгария	6,84
Германия	44,26	Парагвай	3,34
Великобритания	38,67	Никарагуа	1,65
Республика Корея	22,67	Румыния	8,82

Примечание: богатые – более 20 тыс. долл. США на душу населения, бедные – менее 15 тыс. долл. [10].

53%-ю долю в экономическом глобальном обороте) и создают почти 53% мирового дохода. В наихудшем положении оказываются страны, не имеющие возможности извлекать пространственную ренту вследствие своего «изолированного» в мировом экономическом пространстве положения или вынужденные нести повышенные издержки на содержание своего собственного географического пространства (Россия, Бразилия) и/или непропорционально большого по отношению к размерам экономического пространства населения (Индия, Китай).

Теоретические предпосылки и методология. Пространственные исследования в рамках междисциплинарного проекта базировались на общей гипотезе о двойственной сущности пространства, т.е. пространство как форма бытия общественной материи полагается единством абсолютного пространства (по Ньютону) и относительного пространства (по Лейбницу). Пространство по Лейбницу относительно, так как является свойством, зависящим от расположения объектов

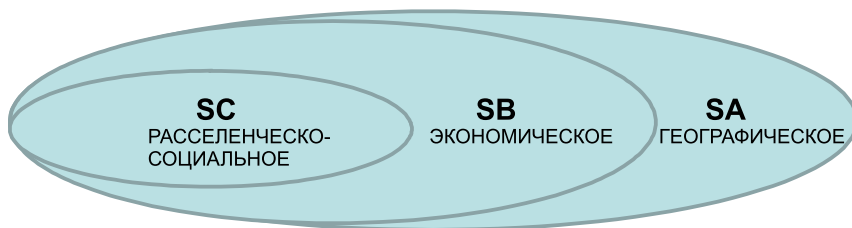

Рис. 1. Функциональная вложенность пространств

и явлений, т.е. пространство представляет собой всего лишь систему отношений. Пространство по Ньютону абсолютно, так как оно есть вместилище всех объектов, т.е. «состоит из совокупности точек, каждая из которых лишена структуры и является самонаименьшей частью физического мира. Каждая точка вечна и неизменна; изменения в ее бытии заключаются лишь в том, что иногда она “занята” одним “куском” вещества, иногда – другим, а иногда – ничем» (цит. по: [11, с. 183]). Традиционно в географии преобладало ньютоновское понимание природы пространства (place), тогда как в экономике со времен Тюнена возобладало понимание природы пространства по Лейбницу (space). Разумеется, эти два аспекта толкования сути пространства тесно связаны друг с другом*. Space и place при всем их качественном различии не могут существовать друг без друга. Пространство состоит одновременно из совокупности взаимодействующих иерархически организованных элементов разной размерности и из вложенных функциональных форм, или подпространств (рис. 1).

С точки зрения размерности и иерархии элементов единого экономического пространства в проекте рассматриваются три уровня пространственных объектов: глобальное экономическое пространство, национальные экономические пространства, локальные (субнациональные) пространства. Особенность предмета исследования как совокупности взаимодействующих подпространств отразилась в методологии исследования: оно организовано как совокупность «вложенных» научных дисциплин, теоретические и экспериментальные ре-

* Об эволюции различных точек зрения на природу пространства и места см., например, в работе [12].

зультаты которых являются одновременно ограничениями и предпосылками друг для друга.

Пространственные эффекты. Российское экономическое пространство, в организации которого сильно доминируют особенности географического пространства, также имеет существенные особенности, определяющие его функционирование и в конечном счете – продуктивность. Этими особенностями являются фрагментированность, поляризованная централизация, блокирование механизмов экономической и социальной пульсации. Само наличие этих особенностей и их явная инвариантность по отношению к различного рода институциональным новациям свидетельствуют о провалах региональной экономической политики, которые связаны и с непониманием закономерностей функционирования пространства как лейбницевской системы (совокупность экономических и социальных отношений), и с пренебрежением особенностями пространства как ньютоновской системы абсолютных квантов пространства. Именно эти провалы обусловили длительный застой в модернизации пространственной формы общественного развития.

К настоящему времени экономическая деятельность в пространстве сложилась в форме некоторого множества полюсов концентрации различной размерности и видового разнообразия (рис. 2). Экономические полюса, или ареалы концентрированной экономической деятельности, сформировались и развиваются как в пределах зоны, благоприятной для постоянной и диверсифицированной экономической жизни, которая совпадает с зоной концентрированного расселения (рис. 3), так и в пределах экстремальных зон.

Отображение совместного распределения в пространстве населения и экономики дает картину чрезвычайной пространственной концентрации, в границах которой формируются отчетливые полюса, препятствующие до настоящего времени проявлению центростремительных сил в пространственном развитии, а значит, и препятствующие движению всей пространственной структуры к состоянию общего равновесия. Ситуация усугубляется еще и тем, что зона концентрации населения и, соответственно, социальных систем совпадает почти в точности с зоной, наиболее благоприятной для экономической

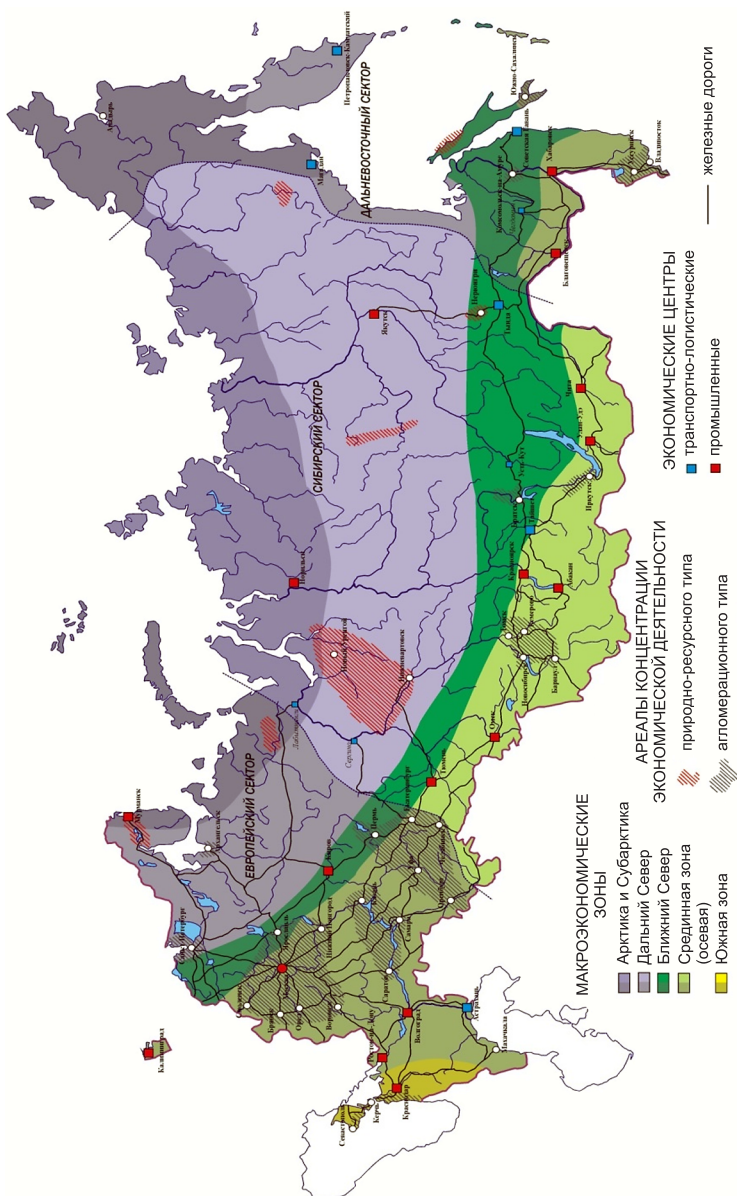

Рис. 2. Пространственные пояса экономической деятельности
 Карта разработана сотрудниками Института экономических исследований ДВО РАН
 д.г.н. А.Н. Демьяненко и В.Д. Хижняком

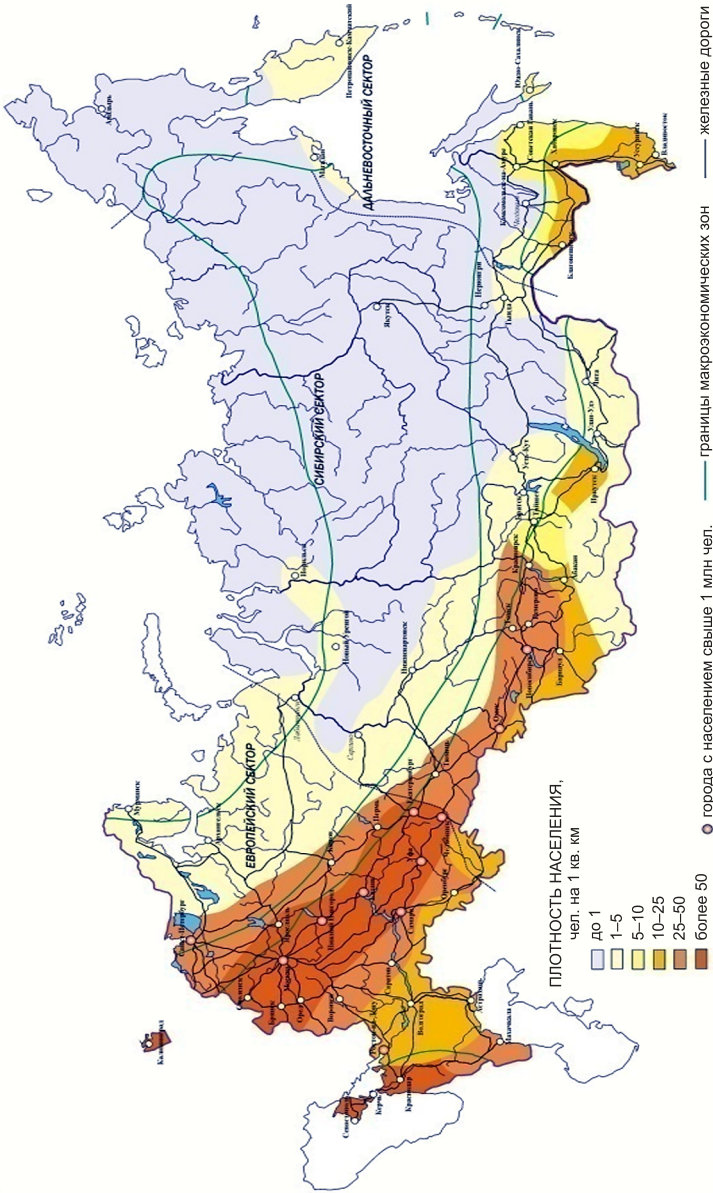

Рис. 3. Расселение и социальные системы

Карта составлена в СОПС Минэкономразвития России и РАН

деятельности, но степень поляризации системы расселения существенно ниже, чем в случае с экономическими полюсами. Кроме того, экономические полюса распределены в пространстве очень неравномерно между зоной наибольшего благоприятствования и экстремальными зонами. Это создает основу для стабильного расширенного воспроизводства отношений неравенства.

Правда, и экономические полюса неоднородны. В пределах зоны благоприятствования они формируются и развиваются как промышленные и промышленно-аграрные агломерации кластерного типа, за ее пределами – как территориально-производственные комплексы, в основном природно-ресурсного типа. Само по себе подобное разграничение является достаточным основанием для дифференциации пространственного регулирования институциональной среды экономического развития. Однако в России принцип «вертикального однообразия» действует также в сфере пространственного развития и регулирования, проявляясь в виде периодической смены подходов к пространственной организации и использованию инструментов регулирования. При этом частая смена теоретических предпочтений (формирование полюсов роста, кластеров, территорий опережающего развития и т.д.) на деле оказывается всего лишь оболочкой, институциональное содержание которой – восстановление комплексного социально-экономического планирования на территориях. Вместе с тем административно-территориальное планирование (которым, по существу, и является комплексное территориальное планирование социально-экономического развития) и пространственное регулирование экономической и социальной активности – не одно и то же, они имеют свои ниши, но и только. Воспроизведение национального территориального планирования как комплексного планирования социально-экономического развития субъектов Федерации, даже если эти планы и называются стратегиями, способно только «заморозить» иррациональную пространственную схему экономического и социального развития и дезориентировать собственно регулирование.

Агломерации и периферия. Поляризация экономического пространства проявляется как процесс гиперурбанизации – формируются городские агломерации-полюса. Это общемировая тенденция. За по-

следние 20 лет в России 19 городских агломераций значительно увеличили свою роль, обеспечивая к настоящему времени почти 40% объема промышленного производства и до 50% объема розничного товарооборота. Причем постоянно растет доля крупнейших агломераций, в первую очередь московской и петербургской [13]. С учетом размеров пространства и его высокой фрагментированности городские агломерации играют особую роль в формировании и организации замыкающихся на них экономических ареалов, организуя и уплотняя экономическое пространство, создавая пространственные сгустки экономической деятельности, транслируя новации, ресурсы и институты в окружающее мегаполисы пространство. Однако пока городские агломерации в большей степени являют собой «черные звезды», всасывая в себя население и ресурсы, формируя в своих пределах рынки, что приводит к все более сильному искривлению пространства. Пульсации экономической деятельности, т.е. миграции факторов производства между мегаполисами и периферией под воздействием изменения предельных цен факторов, почти не происходит, потоки населения и ресурсов пока направлены от периферии к мегаполисам, а следовательно, городские агломерации в весьма малой степени генерируют стимулы развития на периферии.

Тем не менее именно периферические зоны, тяготеющие к крупным городским агломерациям, являются в условиях России реальными полюсами, обеспечивающими формирование в перспективе зон концентрированной экономической деятельности, в пределах которых может происходить интенсивный обмен деятельностью и ресурсами. Взаимодействие этих агломерационных зон, в свою очередь, может служить общим каркасом единого для всей России экономического пространства, которое, конечно, никогда не будет пространством однородным. Это обусловлено также разным масштабом пространства в России и, скажем, в Европе. Для формирования агломерационных пространственных зон принципиальное значение имеет возможность «сжатия» пространства за счет создания, например, скоростных транспортных коридоров. Но если во Франции изохроны 1–4-часовых поездок могут охватывать практически всю страну, то в России – лишь сравнительно небольшие регионы.

Поэтому надежды на «сжатие» пространства за счет очередных мегапроектов по строительству магистральных скоростных железных дорог выглядят довольно утопичными для реального российского пространства. Действительной возможностью является создание скоростных транспортных коридоров в пределах потенциальных агломерационных зон в поясе концентрированного расселения и экономической деятельности, если принять во внимание два существенных ограничения. Во-первых, создание такой транспортной инфраструктуры само по себе не гарантирует «сжатия» пространства и, тем более, формирования реальной агломерационной зоны на базе мегаполисов. Для этого необходимы серьезные институциональные преобразования вплоть до перехода к горизонтальным схемам регулирования в ущерб вертикальному управлению. Во-вторых, эта инфраструктура не гарантирует преодоления фрагментарности пространства, точно так же как строительство магистральных, «всероссийских» по масштабу скоростных дорог может обеспечить уплотнение зоны агломерационного развития только в случае увеличения количества крупных городских агломераций.

Очевидно, что при имеющейся численности населения существенного увеличения количества потенциальных и реальных полюсов экономической агломерации ожидать не приходится. Во всяком случае, такое увеличение было бы равнозначно получению противоположного эффекта – еще большей поляризации фрагментов пространства, тяготеющего к городским агломерациям, т.е. блокирования трансляции экономической динамики и инноваций на окружающую сформированные агломерации периферию.

* * *

Особенности российского пространства (фрагментированность, поляризованная централизация, блокирование механизмов экономической и социальной пульсации) свидетельствуют о провалах региональной экономической политики, которые связаны, с одной стороны, с непониманием закономерностей функционирования пространства как лейбницеvской системы (как совокупности экономических и со-

циальных отношений), а с другой – с пренебрежением особенностями пространства как ньютоновской системы абсолютных квантов пространства. Это привело к длительному застою в модернизации пространственной формы общественного развития.

Как отмечалось выше, в политическом контексте стремление к пространственной модернизации связано с попытками нивелировать пространственное неравенство. В настоящее время общепризнано (и подтверждено многими эмпирическими исследованиями), что относительно легко элиминируется неравенство в доходах населения. Гораздо труднее справиться с «излишним» неравенством в качестве жизни, тем более что его оценка связана с субъективными восприятиями. Однако в современной региональной государственной политике присутствует и отчетливая линия на преодоление дифференциации экономических потенциалов, но последняя сама по себе гораздо устойчивее, так как связана с пространственной инерцией в конкуренции мест приложения труда и капитала. И существенно изменить эту ситуацию вряд ли получится без тонкой дифференцированной политики стимулирования с учетом особенностей самого пространства.

Для пояса концентрированной экономики и концентрированного сплошного расселения эффективной может быть политика стимулирования постиндустриальных компонентов экономической динамики на кластерной основе при максимально эффективном «сжатии» пространственных рынков труда и конструировании механизмов пульсации типа «мегаполисы – периферия». Для пояса ресурсных комплексов эффективным направлением является концентрация ресурсов на создании инфраструктуры освоения ресурсов и доступа на рынки при формировании опорных концентрированных мест расселения, обеспечивающих поддержание «естественных стандартов» качества жизни. Здесь региональная политика должна сосредоточиваться на трех принципиальных задачах: 1) на модернизации инфраструктуры доступа населения к общественным и коммерческим услугам по приемлемым (адекватным уровню доходов) ценам и при минимальных затратах времени; 2) на создании инфраструктуры, гарантирующей свободу передвижения населения, товаров и услуг;

3) на создании максимальной плотности рынка труда, товаров и услуг в зонах опорных городов – полюсов концентрированного диверсифицированного роста.

Литература

1. **Дюркгейм Э.** Социология: Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 350 с.
2. **Блауг М.** Боулдинг, Кеннет Эварт // 100 великих экономистов после Кейнса. – СПб.: Экономикс, 2009. – 384 с.
3. **Шумпетер Й.А.** История экономического анализа. – СПб.: Экономическая школа, 2004. – Т. I. – 496 с.
4. **Полтерович В.М.** Кризис экономической теории: Доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика». – URL: <http://tsl.cemi.rssi.ru/rus/publicat/e-pubs/d9702t/d9702t.htm> (дата обращения 12.06.2014).
5. **Княгинин В.Н., Щедровицкий П.Г.** Промышленная политика России: кто оплатит издержки глобализации. – М.: Европа, 2005. – 160 с.
6. **Мельникова Л.В.** О риторике региональной науки и региональной политики // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 1. – С. 75–96.
7. **Мельникова Л.В., Селиверстов В.Е.** Прошлое, настоящее и будущее Сибири глазами зарубежных ученых и аналитиков // Сибирь в первые десятилетия XXI века / Отв. ред. В.В. Кулешов. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2008. – С. 86–101.
8. **Белов А.В.** К вопросу о пространственном размещении факторов производства // Пространственная экономика. – 2012. – № 2. – С. 9–28.
9. **Зелёв М.** Пространственное развитие: проклятье Сибири // Ведомости. – 2013. – 3 сент.
10. **Report for Selected Countries and Subjects.** World Economic Outlook Database, April 2014. International Monetary Fund. – URL: http://ostranah.ru/_lists/area.php; <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info> (дата обращения 15.05.2014).
11. **Харвей Д.** Научное объяснение в географии. – М.: Прогресс, 1974. – 504 с.
12. **Agnew J., Livingstone D.N.** The SAGE Handbook of Geographical Knowledge. 2011. – URL: <http://dx.doi.org/10.4135> (дата обращения 12.12.2011).
13. **Трейвиш А.И.** Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009. – 372 с.

Рукопись статьи поступила в редколлегию 14.07.2014 г.

© Минакир П.А., 2014